

УДК 821.112.5-31-93
ББК 84(4Нид)6-442
В71

Вольтц, Анна.

В71 Гипс : [для среднего и старшего школьного возраста] / Анна Вольтц ; пер. с нидерл. Ирины Лейк. — М. : Самокат, 2020. — 176 с. — (Встречное движение). — ISBN 978-5-91759-937-3.

Фитц 12 лет. Её жизнь разбита: родители разводятся, мама сказала такое, что теперь вообще непонятно, как с этим жить, а сестрёнка с папой попали в аварию. Роман «Гипс» — о том, как за один долгий, насыщенный событиями день в больнице Фитц сумела починить свой мир, расширить его границы, найти новых друзей. А может, и не только друзей? Хотя ему целых 15...

Анна Вольтц — молодая голландская писательница и сценарист. Первая её книга вышла в 2012 году, а сейчас их больше 20, они переведены на разные языки, и по ним снимают фильмы и сериалы. За роман «Гипс» Анна получила сразу две самые престижные литературные премии в Голландии — Золотой и Серебряный грифель — и была номинирована на Немецкую литературную премию.

Copyright © 2015 by Anna Woltz
Original title Gips
First published in 2015 by Em. Querido's
Uitgeverij, Amsterdam

© Лейк И.В., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-91759-937-3

ООО «Издательский дом «Самокат», 2020

Кровь, пауки, извержения вулканов, целующиеся родители — я никогда не закрываю глаза. Мне всегда хочется видеть всё. Но не сейчас.

Вокруг всё было заставлено коробками с вещами. Я сидела на полу и держала в руках маленький железный ящик. В нём по ячейкам были разложены гвозди, шурупы и гайки. Полным-полно всякого сверкающего серебра. И только в одной ячейке — золото.

Кольцо.

Я смотрела и смотрела на этот кружок, оказавшийся среди гвоздей. А потом зажмурилась. В два года я умела становиться невидимой, стоило только спрятать лицо в ладошках. Но теперь мне двенадцать, уже целых три недели.

Я открыла глаза — в темноте меня всегда начинает подташнивать. Быстро достала кольцо из ящика, откинула с лица длинные волосы и поднялась.

В папином новом доме мы не успели распаковать почти ничего, только недавно купленный телевизор. Это даже хорошо: он хотя бы заглушает мои мысли.

Я села на подоконник и стала смотреть на улицу. Деревья тут были не такие голые, как около маминого дома. На машинах иней, все какие-то маленькие, и вмятин на них больше. По скользким ступенькам спускалась папина новая соседка. На голове красная шапка, в руках автомобильный скребок.

Голос из телевизора вопил, что ожидается снегопад. Обещали огромные пробки и битвы снежками. Я поставила ноги на горячую батарею и наблюдала, как соседка пытается соскрести лёд с лобового стекла.

Я и не хотела, чтобы папа с Бенте вернулись домой, и ждала их. Обручальное кольцо холодило ладонь. В сером свете я разглядела надпись внутри него.

«Й + С вместе навсегда».

Не надо бояться целующихся родителей. Родители становятся опасными только тогда, когда перестают целоваться.

Наконец в начале улицы показались папа и Бенте. Папа очень медленно ехал на велосипеде, выдыхая белые облака тумана. Когда он родился, волосы у него были ужасно растрёпанные. Такими и остались. В наших семейных легендах мама сначала влюбилась в него из-за дурацкой причёски, а потом уже из-за всего остального.

Бенте сидела на багажнике, но не лицом вперёд, а боком. Она разглядывала улицу, обхватив руками огромные санки. Руки у неё покраснели от холода, потому что варежки остались у мамы.

Я думала, что в окне второго этажа меня никому не видно, но папа вдруг мне помахал. С ума сойти, этот человек уже через полчаса не помнит, что на кого-то злился. Из рта у него вылетел пар, лицо расплылось в улыбке. Он показал мне на санки, поднял вверх большой палец и опять помахал.

И тут они упали.

Это произошло так быстро — я даже не поняла, что случилось. Только что ехали — и уже оба на земле. Папа упал на руль, а Бенте завалилась на санки, не выпуская их из рук.

Две секунды было тихо. Соседка перестала скрести стекло, я сжала золотое кольцо в ладони — и тут Бенте завопила во всю глотку.

Конечно, я мгновенно забыла, что мне нельзя выходить на улицу. Я рывком открыла дверь и помчалась вниз по крутой лестнице. Как только дверь распахнулась, я снова услышала рёв Бенте. Прямо в тоненьком свитере я рванула по улице. Воздух хрустел от мороза и впивался мне в нос. Даже издалека я заметила кровь.

Папа сидел на коленях рядом с моей сестрёнкой, а новая соседка стояла рядом с ними.левой рукой Бенте сжимала запястье правой. И из правой руки лилась кровь.

Я остановилась, и всё вокруг как будто завертелось.

Кончик безымянного пальца Бенте куда-то исчез. Палец стал слишком коротким. А там, где он должен заканчиваться, сейчас была только кровь. Нереально, жутко много крови.

— Нам нужно в больницу, — сказал папа.

Он растерянно смотрел по сторонам, как будто надеялся, что здесь, на этой улице, вдруг может появиться больница.

— Пусть мама приедет! — орала Бенте.

Папа был ужасно бледный.

— Сейчас мы ей позвоним. Сначала нам нужно... — Он снова посмотрел по сторонам. — Машина же у неё...

— Я вас отвезу, — спокойно сказала соседка.

Я думала, что не боюсь крови, но столько сразу не видела никогда. Из-за этого короткого пальца у меня кружилась голова. Сжав зубы, я оглядела брусчатку. Там лежал велосипед, распластанный на земле. Вот санки с острыми железными полозьями. А вот...

— Там её палец!

Бенте тут же замолчала. Папа выглядел так, будто прямо сейчас грохнется в обморок, а новая соседка замерла на месте. Мы вчетвером уставились на кончик маленького пальца, который одиноко лежал на дороге. По затылку, шее и спине у меня поползли мурашки. Но я всё равно пошла к нему. Это просто такая шапочка из мяса и белой кожи с красной подкладкой, сказала я себе. А снаружи у неё не козырёк, а кусочек ногтя.

— Подожди, — сказала соседка. — Я принесу пакет.

На разъезжающих ногах она поспешила к своему крыльцу. Меня трясло, но я не сводила глаз с отрезанного кончика пальца. Как будто должна за ним присматривать. «Ой-ой-ой-ой-ой», — всё время повторяла я про себя, как будто без этого не выдержала бы.

Когда вырасту, стану врачом. Это я твёрдо решила, когда мне было лет семь. Но у докторов есть строгие правила, и вот одно из них: они не имеют права оперировать своих родственников. Теперь я поняла почему.

Бенте плакала навзрыд. Её синий пуховик порвался, руки дрожали, а крови становилось всё больше. Папа обнимал её за плечи и явно не знал, что говорить.

— Давайте я позвоню маме? — предложила я. Мама-то всегда знает, что и когда сказать.

Даже во время Разговора-под-зонтиком она доводила до конца каждую фразу и произносила слова так чётко, как будто выступала перед полным залом.

Этот самый Разговор-под-зонтиком состоялся во второй день Рождества. Конечно, я и представить не могла, что он так называется. Но именно это было написано в книге «Счастливый брак, счастливый развод», которая уже неделю лежала у нас на кухонном столе.

Во время Разговора-под-зонтиком папа и мама *вместе* рассказывают детям, что они разводятся. Что им ужасно нравилось быть чудесной дружной семьёй, но теперь они хотят жить каждый сам по себе. Обидно, конечно, за детишек, но ничего не поделаешь. Папа уже снял новую квартиру. И график посещений составлен.

Правда, в книжке «Счастливый брак, счастливый развод» не упоминалось о том, что такой разговор непременно надо устроить во второй день Рождества. До этого родители сами додумались. Я-то наивно

надеялась, что мы вместе посмотрим «Один дома». Но всё оказалось иначе.

Вернулась соседка. Она протянула папе кухонное полотенце в красную клетку и надела на руку вывернутый наизнанку пакетик для бутербродов. Большим и указательным пальцем она осторожно подняла с брусчатки кусочек пальца Бенте.

— Может, положить туда лёд? — спросила я. — Чтобы он не испортился.

Мне никто не ответил. Соседка завязала пакетик узлом, а папа всё сидел с кухонным полотенцем в руках. Он не шевелился и не сводил глаз с пальца. Если бы он был доктором, ему бы точно запретили оперировать Бенте. Но мой папа делал мебель, а для мебельщиков нет никаких правил насчёт открытых ран.

— Вставай же! — закричала я. — Думаешь, мама нас похвалит, если Бенте из-за тебя истечёт кровью?

Я видела, что ему страшно. Руки у него дрожали почти так же сильно, как у сестрёнки. Соседка вздохнула. Не глядя на меня, она протянула мне пакет с «шапочкой на красной подкладке». Потом она опустила на колени, вытянула у папы из руки кухонное полотенце и осторожно, но туго перевязала окровавленный палец Бенте.

— Держи руку вот так, повыше, — сказала она. — Сможешь? Нужно, чтобы рука была выше сердца. Тогда кровь не будет идти так сильно.

Мне стало ужасно холодно, а вся ситуация казалась совершенно дурацкой. Женщина, которую я пол-

часа назад увидела впервые в жизни, сейчас спасает мою сестру.

— Ну что, едем? — нетерпеливо спросила я.

Теперь, когда палец Бенте был крепко замотан полотенцем, а его «шапочка» лежала в прозрачном пакете, папа впервые посмотрел на меня. Я увидела, как изменилось его лицо. Только что он был растерянным отцом, который понятия не имел, что делать. А сейчас он превратился в отца, который точно знал, как поступить.

— Ты останешься здесь.

— Да ни за что! — тут же крикнула я. — Я еду с вами в больницу.

Папа поднялся.

— Ты правда думаешь, что я возьму тебя в больницу в таком виде?

Он указал пальцем на моё лицо. Я словно промахнулась мимо нижней ступеньки на лестнице. Из-за этой крови я начисто обо всём забыла. Моё лицо!

— Я всё сотру, — быстро сказала я. — Я должна поехать с Бенте!

Но папа покачал головой.

— Нет времени.

Ещё никогда в жизни он не смотрел на меня *так*. Как будто ему было наплевать, что я чувствую.

— Но папа! — крикнула я. — Мне же надо...

— Ты сама виновата. — Он осторожно взял Бенте на руки. — Всё нормально? — спросил он у неё.

И я расплакалась.

Теперь я точно это знала. Мы больше не одно целое.

Я почти никогда не плачу. Не люблю устраивать сцены. А все мои бабушки и дедушки ещё живы.

Но в этот момент я поняла всё. Меня как будто медленно подняли в воздух, чтобы я смогла взглянуть на нас сверху. Сначала я увидела только папу и соседку, себя и Бенте и кровь на дороге. А потом я поднялась ещё выше и увидела всё.

Вот как всё теперь будет.

Друг без друга мы постоянно будем калечиться.

По воскресеньям, понедельникам и вторникам нас будет отвозить в больницу мама.

По четвергам, пятницам и субботам мы будем ездить в больницу с папой.

А вот днём в среду нам лучше не влипать в истории, потому что *«тут нам ещё нужно что-нибудь придумать»*.

Конечно, с кем не бывает. У вас всего-навсего есть дети, о которых **КАЖДЫЙ ДЕНЬ** должен кто-то заботиться.

— Прекрати рыдать! — прикрикнул на меня папа. — И сейчас же отправляйся домой. Как только мы что-нибудь узнаем, я позвоню тебе из больницы.

— Но я же останусь совсем одна! — прокричала я. Плечи у меня вздрагивали, а слёзы уже текли по шее. — А тут ничего нет. Только сиди и жди. Ну правда, мне надо быть рядом с Бенте, когда ей будут пришивать палец!

Соседка упёрла руки в бока и строго посмотрела на моего отца.

— Вы тут новенький, но мы на этой улице не обижаем несчастных детей. — Она кивнула мне. — Пойдём со мной, плакса. — И направилась к своей двери.

Не знаю почему, но я послушно посеменила за ней.

У неё в доме пахло пончиками и старыми кошками. Я осталась ждать в коридоре, пока она чем-то гремела наверху.

— Вот, смотри-ка. — Она снова появилась на лестнице. — Это тебе.

Она протянула мне оскалившуюся тигриную морду из цветного картона. У морды были резинки на ушах и чёрные дырки вместо глаз. Я хотела тут же вернуть соседке маску, потому что терпеть не могу карнавалы. Но потом представила, что придётся несколько часов просидеть на коробках с вещами в компании орущего телевизора.

Ни слова не говоря, я вытерла слёзы и зацепила за уши резинки. Мир сразу уменьшился. Круглые

дырки оказались не совсем на своих местах. А воздух, который я выдыхала, возвращался в нос.

— Отлично, — довольно похвалила соседка.

В больнице для таких, как мы, оказался отдельный вход. «Неотложная помощь» было написано над стеклянными раздвижными дверями.

— Подыщите там для меня симпатичного доктора! — крикнула соседка, пока мы выгружались. — И не потеряйте палец!

Я крепко держала бутербродный пакетик, пока папа помогал Бенте выйти из машины. Лицо у неё было совсем белое, и она вся дрожала, как маленькая собачка, которых женщины обычно носят в сумках. Она хотела идти сама, но, сделав три шага, остановилась и покачнулась. Папа быстро подхватил её на руки.

— Мама уже тут? — хрипло спросила сестрёнка. — Где мама?

«Не тут», — подумала я. Папа только что звонил ей, но мама ушла на пробежку. Двенадцать лет и десять месяцев ей и в голову не приходило начинать подготовку к марафону, но именно сегодня она вдруг решила потренироваться.

Я подумала о словах у меня на лице и нисколько о них не пожалела.

Ступеньки больницы были присыпаны песком, чтобы больные не поскользнулись. Я дрожала в тоненьком свитере. Изю всех людей здесь я одна каза-

лась неживой: из-за маски у меня изо рта не вылетали белые облака пара.

— Папа... — сказала Бенте. Голос у неё как у маленькой, девяти лет никак не дашь. — Как они будут пришивать мне пальчик?

— Иголкой и ниткой, как же ещё, — вставила я.

— Но они сначала меня усыпят? Или я буду видеть, как они шьют?

Я прикусила губу и ничего не ответила. Я хочу стать врачом, но пока совсем ничего не знаю.

Пока папа пытался рассказать что-то о пришивании пальцев, стараясь ничем не выдать, что и он не имеет об этом ни малейшего представления, я рассматривала выходящих из больницы людей. Сквозь круглые дырки на тигриной морде я видела хромящую женщину с огромным пластырем на носу и мальчика с гипсом на обеих руках. Было бы здорово, если бы у них на головах было написано, что с ними случилось. Как они получили свои травмы. И как долго им пришлось ждать. И что делали с ними врачи.

Отделение неотложной помощи начиналось с большого зала, похожего на аэропорт. Тут почти ничего и никого не было. Только пустой коридор, стойка за толстым стеклом и парень с козлиной бородкой, который стал спрашивать, что у нас случилось.

Пакетик с пальцем я держала перед собой на вытянутой руке, а папа рассказывал о происшествии — своим взрослым голосом. Парень с бородкой сначала внимательно посмотрел на мою маску и только потом

перевёл взгляд на пакет. Но лицо у него осталось совершенно невозмутимым.

— У вас есть с собой паспорт дочери или её свидетельство о рождении?

— Э-э-э... — сказал папа, — моя жена... То есть моя бывшая жена... — Он почесал в затылке. — То есть я хотел сказать, *их мать* — у неё их свидетельства.

Я уставилась под ноги. На полу лежал желтоватый линолеум. Пятна крови смотрелись на нём отвратительно.

— Может, страховой полис? — спросил парень.

Папа вздохнул.

— Он тоже у их матери. Извините. Она сейчас приедет и совершенно точно всё с собой привезёт. Даже их дипломы по плаванию, библиотечные карточки, бонусные карты и сертификат с курсов по завязыванию шнурков.

Но этот тип даже не улыбнулся.

— Имя и фамилия вашей дочери?

— Бенте Софике Ниувенхёйс.

— Дата рождения?

— Третье февраля...

— Это у мамы день рождения третьего февраля, — сказала я.

Я подняла взгляд и вдруг разозлилась на него не меньше, чем на маму. Может, *та* мысль и пришла в голову ей, но он-то ничего не сделал. Он продолжал сколачивать свои кровати и приглаживать свои волосы. И даже если тебе когда-то очень нравилась

эта растрёпанная голова, то в какой-то момент ты уже по горло сыта этой башкой, полной гвоздей и опилок, которая никогда не знает, что сказать. Даже я это понимала.

— Извини, — сказала я папе. — Я хотела сказать, у твоей *бывшей*. У твоей бывшей жены день рождения третьего февраля. А Бенте родилась восьмого февраля.

Папа молча смотрел на тигриную маску с чёрно-рыжими полосами и дырками вместо глаз. В понедельник я надену её в школу. Тогда я смогу всем обо всём рассказывать — и плевать, как я выгляжу.